

РЕЦЕНЗИИ

Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка.— М.: Наука, 1981. 328 с.

Название рецензируемой работы, на первый взгляд, может показаться слишком широким, общим, недостаточно определенным, но при внимательном чтении возникает обратное убеждение: название книги удивительно точно соответствует ее содержанию.

Сложная история русского литературного языка со времен его формирования в Киевской Руси, дальнейшие преобразования в его структуре в зависимости от смены диалектной базы, от расширения сферы его применения, от новых иноязычных заимствований, использование церковнославянского языка в разных жанрах литературы, роль писателей и ученых в становлении языковых норм — эти вопросы продуманы автором с опорой на большое количество фактов.

Все это позволяет считать книгу Ф. П. Филина оригинальным исследованием по теории и истории русского литературного языка и вместе с тем трудом, в котором критически проанализирован и обобщен опыт изучения истории литературного языка многими поколениями ученых, русских и европейских. Но поскольку аспект исследования в большинстве работ не совпадает, научный уровень исследования языковых фактов и их объем разный, а «многое в них и вовсе не нашло своего отражения» (с. 3), — процессы истории становления и развития русского языка отражены в этих работах непоследовательно. Поэтому категоричность утверждения Ф. П. Филина: «История русского литературного языка еще не написана» (с. 3) вполне справедлива. «Написать полную историю русского литературного языка означает исследовать по более или менее единой программе язык всех письменных произведений от начала письменности на Руси до нашего времени..., не пропуская ничего важного, существенного, причем на всех уровнях языка» (с. 3).

Это утверждение имеет методологически программное значение для создания курса истории русского языка, оно соответствует ленинскому принципу изучения явлений: «...необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов без единого исключения» [1]. Свою книгу Ф. П. Филин также не считает историей русского литературного языка и поэтому не случайно называет ее «Истоки и судьбы русского литературного языка». Об этом свидетельствует и структура работы: расположение ее глав и аспект исследования фактического материала в каждой из них

сознательно противопоставлены автором структурной организации историко-лингвистических сочинений, в которых последовательность расположения разделов соответствует диахроническому порядку в развитии фактов.

Первая глава книги целиком посвящена истокам русского литературного языка — истории его формирования в Киевской Руси. Эта сложная проблема в лингвистической науке решалась односторонне, тенденциозно и упрощенно. Ф. П. Филин в своих исследованиях подвергает анализу огромный фактический материал, осмысленный им с точки зрения современной лингвистической теории. Именно такой подход к проблеме, прежде всего на основе изучения лексики, помещенной в «Словаре современного русского литературного языка» (в 17-ти томах) и «Частотном словаре русского языка» под ред. Л. Н. Засориной, с привлечением сведений из работ советских и зарубежных лингвистов об истории слов (куда входят книги и статьи самого автора) позволил Ф. П. Филину критически оценить работы своих предшественников.

Как известно, по мнению А. А. Шахматова, русский литературный язык по своему происхождению — «это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличье...». Чтобы доказать свой тезис, А. А. Шахматов выделил в современном русском литературном языке двенадцать признаков его иноязычной основы (с. 13). Ф. П. Филин убедительно показал, что большинство церковнославянизмов в процессе длительной истории их употребления в русском литературном языке (а многие из них — и в говорах) стало средством вторичной номинации, т. е. подверглось переосмыслению и изменениям в коннотации; другую группу составляют слова, созданные в русском языке с использованием церковнославянских морфем и словообразовательных моделей, и, наконец, третью группу так называемых церковнославянизмов составляют слова, формальные признаки которых являются общими для церковнославянского, русского (и даже других славянских языков). Количество собственно церковнославянизмов в современном русском литературном языке составляет, по мнению Ф. П. Филина, не более 4% словарного состава. Эта цифра показывает необоснованность

декларативных утверждений Б. О. Унбегауна о том, что современный русский литературный язык—это церковнославянский язык с русскими вкраплениями [2].

Последовательно доказывая народную основу в структуре русского литературного языка (от периода его образования и до наших дней), Ф. П. Филин не поддерживает теорию С. П. Обнорского о происхождении литературного языка в Киевской Руси [3]. Ограниченность источников, использованных в работе С. П. Обнорского, его утверждение о том, что все церковнославянизмы, встретившиеся в памятниках, язык которых он анализировал, внесены не их авторами, а переписчиками как дань моде и недостаточно корректно использованный им статистический аппарат (С. П. Обнорский в число специфических древних черт русского языка зачисляет и общеславянские явления: например, последовательно выдержанное употребление форм двойственного числа и др.)— все это делает концепцию С. П. Обнорского о происхождении русского литературного языка тенденциозной.

Ф. П. Филин подвергает осмыслению язык почти всех древнерусских текстов, изученных советскими и зарубежными филологами (см. указатель имен, с. 322—326), привлекая для сопоставления фактический материал (в основном лексический) из словарей современного русского языка и его говоров. В результате изучения языковой ситуации в древней и Московской Руси (см. гл. IV книги) автору удается объективно отразить реальное состояние древнерусского литературного языка старшей поры. Обобщенно оно представлено в схеме: «1) церковнославянский литературный язык с двумя типами: а) собственно церковнославянский язык — язык богослужебной и примыкающей к ней литературы, переведенной или созданной в Болгарии и других славянских странах, которая читалась и переписывалась на Руси; в этом языке, как уже было сказано выше, имелись восточнославянские напластования, особенно в фонетике и морфологии; б) славяно-русский язык — язык оригинальных произведений, написанных русскими, в которых преобладала церковнославянская стихия, но в той или иной степени присутствовал восточнославянский субстрат; 2) древнерусский литературный язык также с двумя типами: а) язык деловой письменности и частной переписки с отдельными церковнославянскими вкраплениями; б) язык „повествовательной литературы“ (произведений разных жанров), восточнославянский в своей основе, но с широким использованием церковнославянских средств» (с. 259). Повинная, что эта схема, как и любая модель, упрощает реальную структуру отражаемого ею явления, автор поясняет ее условность, приблизительность, указывая исследователям на необходимость дальнейшей конкретизации этой схемы по мере изучения языковых фактов в текстах древнерусской литературы разных жанров.

Исходное состояние древнерусского литературного языка служит для автора

базой, позволяющей осмыслить структуру русского литературного языка Московской Руси, а также литературного языка периода формирования и развития русской нации, когда изменяется диалектная основа общенародного языка, активизируется заимствование слов в процессе становления культурно-экономических связей с народами Западной Европы. Автору удается отразить всю сложность процесса формирования национального языка на базе основного его источника — московского койне, определить место просторечия и диалектов в интеграции языковых фактов, их отбор (через употребление в текстах художественной литературы и публицистики) в литературный язык. При этом четко обосновывается разграничение понятий «национальный язык», «литературный язык», «просторечие». За каждой из названных языковых субстанций автор видит ее носителя, что позволяет ему доказать несостоятельность надуманных терминов типа «диалектный язык» и непродуктивность искусственно созданных умозрительных схем, замкнутых моделей, предназначенных для того, чтобы формализованно отразить структуру так называемого диалектного языка.

Теоретические положения второй главы, характеризующие процессы образования русского национального языка, вместе с тем позволяют автору конкретизировать различительные признаки понятия «литературный язык», чему посвящена третья глава книги.

Вслед за В. В. Виноградовым Ф. П. Филин квалифицирует литературный язык как живую реальность, которая служит обществу, является его величайшим достоянием и изменяется, функционируя в различных жанрах произведений письменной и устной речи, совершенствуется усилиями художников слова, публицистов, ученых и общественных деятелей. Автор опровергает мнение некоторых ученых об условности термина «литературный язык», приводя конкретные исторические сведения о разнообразии типов литературных языков.

Содержание последней главы ограничено сведениями об основных тенденциях и путях в развитии современного русского языка, которые определяются расширением сферы применения его в современном мире, увеличением его функций. Автор сознательно отказывается от подробной характеристики изменений на всех уровнях современного литературного языка, от выяснения причин этих изменений, во-первых, потому что об этом написано большое число лингвистических работ, во-вторых, потому, что цель его научного сочинения — размышление над судьбами русского литературного языка. Оценивая его современное состояние, автор проявляет заботу о сохранении его самобытности, ясности, негативно оценивая факты «варваризации» научных, публицистических и художественных текстов по причине бездумного использования их авторами множества иностранных слов, главным образом, американизмов, семантически избыточных в русском языке.

Обобщая характеристику рецензируемой книги, выполненную ученым-марксистом и патриотом, хочется подчеркнуть точность доказательств, которые соответствуют адекватности утверждений автора, его принципиальность, проявляющуюся в поисках объективной истины, новизну и надежность полученных сведений. Монография Ф. П. Филина на многие десятилетия вперед определяет направление и содержание исследований по истории русского литературного языка (и, надо полагать, и новую учебную литературу по этому предмету).

Глубина и актуальность содержания этой книги, простота и ясность его изложения, аргументированность теоретических положений, важность разрешаемых автором проблем, выходящих по своему значению за пределы сугубо лингвистических работ, позволяють надеяться, что книга «Истоки и судьбы рус-

ского литературного языка» будет с интересом воспринята широким читателем, лингвистом и литературоведом, историком и философом, писателем и учителем, а также каждым любознательным человеком, для которого не безразлична история русского народа и его языка.

Федоров А. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Статистика и социология. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.
2. Ульбегаун Б. О. Историческая грамматика русского языка и ее задачи. — В кн.: Язык и человек. Сборник статей памяти профессора Петра Саввича Кузнецова. М., 1970.
3. Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М. — Л., 1976.

Svoboda A. Diatheme. A study in thematic elements, their contextual ties, thematic progressions and scene progressions based on a text from Ael'ric. — Brno: Univ. J. E. Purkeně, 1981. 205 p.

Рецензируемая книга представляет собой опыт создания функциональной грамматики по схеме Я. Фирбаса, на материале текста проповеди монаха Эльфрика (955—1020) на древнеанглийском языке. Рамки содержания (крещение Христа) позволили автору представить не только весь текст в виде огромной сцены, на которой появляются персонажи проповеди (Христос, Иоанн-креститель, апостолы, ученики, дьявол, грешники и т. п.), совершающие ограниченный круг действий. Каждый параграф выведен в виде широкой сцены, на которой происходят определенные события, а каждое предложение трактуется в виде узкой сцены того, что осуществляется на переднем плане.

Основной методикой анализа принят подсчет того, как ведут себя элементы предложения в той или другой функции (диатемы, темы, ремы и т. п.) и какими связями они соединены. Все эти данные представлены в диаграммах, схемах, графиках и таблицах. Книга состоит из «Введения» (с. 1—7), где излагаются основы теории и поясняется терминология, и самого исследования, разбитого на четыре главы: «Описание текста», «Грамматика», «Семантика», «Контекст» (с. 8—190). Завершается книга «Приложением» (с. 197—204). Библиография из 94 названий включает труды преимущественно чешских лингвистов.

Опыт построения функциональной грамматики, предложенный А. Свободой, заслуживает внимания хотя бы потому, что за последние годы языковедение вплотную подошло к проблеме выявления особенностей «языка в действии», т. е., как стало модным говорить, к прагматике языка, к его функционированию. Используя сословские термины, можно было бы сказать, что лингвистику

языка сменила лингвистика речи, и коммуникативный аспект языковых явлений завоевал себе прочное место в лингвистических исследованиях. Подчеркнем, что главным предметом анализа остался фиксированный текст. Изменился лишь ракурс анализа: в научный обиход был введен новый понятийный и терминологический аппарат, который позволил рассмотреть динамику построения текста. В центре функциональных грамматик оказался синтаксис и его основная коммуникативная единица — предложение-высказывание.

В Чехословакии идеи Я. Фирбаса оказались противопоставленными концепциям ряда лингвистов, и вместо двучленной конструкции предложения, состоящей из темы и ремы (Матезиус), была предложена трехчленная конструкция, включавшая в свой состав элемент, переходный от темы к реме, как правило, — глагольную форму (сказуемое). В рамках учения о функциональной перспективе предложения была поставлена проблема носителей разной степени коммуникативного динамизма. Дальнейшее развитие этого учения привело к выделению в тематической сфере собственно темы и диатемы как самого динамичного элемента в пределах этой сферы, а в нетематическую сферу вошли менее динамичный собственно переход, т. е. спрягаемая часть глагола (флексия) или вспомогательный глагол в аналитической форме, переход, обычно представленный содержанием компонентом глагола, и, естественно, рематическая сфера, состоящая из ремы и наиболее динамичной собственно ремы [1]. А. Свобода присоединяет к этому явлению тематической прогрессии, установленное Ф. Данешем (наличие в раз-